

МАРГАРИТА АНГУЛЕМСКАЯ

И ЕЯ ВРЕМЯ.

24642

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ).

А. М. Петрунневичъ.

Le moment parait venu d'essayer un tableau de la vie de Marguerite, de son influence sur son siècle; un tableau ou se grouperont autour d'elle tous les personnages qu'elle a aimés, protégés, dirigés: sa mère, son frère, ses deux epoux, sa fille et, dépendant d'elle ou inspirés par elle à des titres divers—Lefevre d'Etaples, Marot, Rabealis, Calvin Bonaventure Desperriers et tant d'autres. Ce sera la galerie complète de la première Renaissance française groupée autour de *celle qui en fut l'âme*.

Gaston Paris.

ВЪ ПОЛЪЗУ О-ВА ВСПОМОЖЕНІЯ ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова. (Надеждинская, 43).

1899.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый очеркъ отнюдь не претендуетъ быть ученымъ изслѣдованіемъ.

Авторъ будетъ считать свою цѣль вполне достигнутой, если ему удастся, хотя бы только до нѣкоторой степени, вызвать передъ глазами читателя образъ королевы Наваррской.

Въ Россіи она до такой степени еще мало извѣстна, что ее легко спутываютъ съ другой Маргаритой Наваррской, супругой Генриха IV, извѣстной своими мемуарами. Примѣромъ такой ошибки можетъ служить недавно появившаяся въ русскомъ переводѣ *Исторія Литературы Шерра*, въ которомъ помѣщенъ портретъ дочери Екатерины Медичи и подписано, что она — авторъ Гептамерона. Такое недоразумѣніе не единичный случай. А между тѣмъ несомнѣнно, что первая Маргарита Наваррская заслуживаетъ гораздо большаго вниманія и симпатіи, нежели ея легкомысленная внучка.

Въ нашемъ очеркѣ мы старались воспользоваться всѣми доступными намъ матеріалами и тѣми французскими изслѣдованіями, которыя, какъ напримѣръ, статьи Лефранка и книга Лаферриера цѣлкомъ основаны на документахъ. Мы пытались дать не только біографію королевы, но, хотя бы отчасти, и картину духовной жизни XVI вѣка, жизни ки-

пучей и разносторонней, душой которой, по выраженію Гастона Пари, являлась сама Маргарита.

Намъ могутъ поставить въ упрекъ то, что мы сравнительно немного останавливалась на характеристикѣ королевы, какъ писательницы. Это объясняется во-первыхъ тѣмъ, что насъ лично интересовала ея культурно-историческое значеніе гораздо больше, нежели ея историко-литературная роль, а во-вторыхъ тѣмъ, что ея произведенія врядъ ли могутъ представить для русскихъ читателей какой бы то ни было непосредственный интересъ.

Въ заключеніе обращаюсь съ чувствомъ искренней признательности къ глубоко-уважаемому моему учителю проф. Г. В. Форстену, такъ много помогавшему мнѣ своими совѣтами и указаніями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Маргарита Ангулемская—герцогиня Алансонская.

Было 2 часа ночи, 11-го апрѣля 1492 года ¹⁾, когда обитатели стариннаго Ангулемскаго замка съ радостью узнали, что ихъ молодая, шестнадцатилѣтняя, графиня, Луиза Савойская, супруга графа Карла Ангулемскаго ²⁾, благополучно родила дочь, которую назвали Маргаритой, что по-латыни означаетъ «жемчужина».

Впослѣдствіи современники находили, что Маргарита какъ нельзя больше оправдываетъ свое имя; поэты и художники пользовались этимъ соотвѣтствіемъ для своихъ произведеній, а люди болѣе мистическаго образа мыслей усматривали въ этомъ перстѣ

¹⁾ Journal de Louise de Savoie (Collection de Mémoires relatifs à l'histoire de France. T. XVI. Édition Petitot).

²⁾ Родословная Маргариты:

Карль V, Мудрый		
Карль VI.	Людовикъ Орлеанскій.	
Карль VII.	Карль (поэтъ),	Іоаннъ Ангулемскій.
Людовикъ XI.	Людовикъ XII.	Карль (Луиза Сав.).
Карль VIII. († 1498 г.).	Маргарита.	Францискъ I.
	Жанна.	Генрихъ II.
	Генрихъ IV Бурбонъ.	

Божій: «и когда насталь день крещенія, говорить по этому поводу Сентъ-Мартъ (S-te Marthe), князья и вельможи долго спорили объ имени, которое ей надлежало дать. Они могли бы назвать ее Шарлоттой или Луизой, согласно французскому обычаю, но Богу угодно было, чтобы ей дали имя, которое бы соотвѣтствовало ея будущимъ качествамъ... по-этому, согласно Промыслу Божию, она получила имя, въ которомъ, какъ въ символѣ, Господь далъ намъ познать какими дарами онъ обогатилъ и украсилъ свое твореніе» ¹⁾...

Величайшіе умы XVI вѣка, талантливѣйшіе люди этой эпохи съ замѣчательнымъ единодушіемъ сливаются въ одинъ общій хоръ похвалъ этой женщинѣ. Эразмъ Роттердамскій, Вольтеръ XVI вѣка, пишетъ ей въ 1525 г. ²⁾: «Я долго не рѣшался Вамъ писать, но, наконецъ, уступилъ силѣ той необыкновенной симпатіи, которую я питаю къ Вамъ... уже давно восхищаюсь я и люблюсь тѣми высокими дарами, которыми наградилъ Васъ Господь: осторожность, достойная философа, цѣломудріе, умѣренность, благочестіе, несокрушимая сила духа и удивительное презрѣніе къ суетѣ міра сего...

Если Вы спросите меня откуда я Васъ знаю, я, который никогда даже не видалъ Васъ, скажу Вамъ, что многіе Васъ знаютъ по портретамъ, не имѣя счастья видѣть Ваше Высочество. А мнѣ—хорошіе

¹⁾ Sainte Marthe. Oraison Funèbre de la mort de l'incomparable Marguerite... приложено къ Гептамерону, изданному А. Montaignon въ 1880 г. стр. 33, 34.

²⁾ Письмо Эразма къ Маргаритѣ помѣщено у Génin, *Lettres de Marguerite d' Angoulême, soeur de François I. P. 1841. № 31*; писано изъ Базеля 25 сент. 1525 года въ Испанію.

и ученые люди описали вашъ умъ гораздо вѣрнѣе любого портретиста.

Вы не должны сомнѣваться въ моей искренности... я не льщу Вашему могуществу, ибо не хочу отъ Васъ ничего другого, кромѣ взаимной симпатіи»...

Дальнѣйшее содержаніе письма таково, что дѣйствительно искренность писавшаго его не можетъ быть заподозрѣна. Да ему и нечего было заискивать передъ Маргаритой, въ то время вдовой незначительнаго герцога Алансонскаго. Великій философъ и гуманистъ XVI вѣка занималъ совершенно исключительное положеніе не только во всей Германіи, но во всей цивилизованной Европѣ. Онъ самъ разсказываетъ намъ, какъ благосклонно относился къ нему императоръ Карлъ V и какъ добивался его дружбы король Францискъ I. Его похвалы, какъ милости, ждали могущественнѣйшіе князья и государи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не разъ будемъ имѣть случай отмѣтить, что тѣ чувства, которыя продиктовали Эразму его письмо къ Маргаритѣ, цѣликомъ раздѣлялись большинствомъ людей XVI вѣка и современными изслѣдователями, специально занимавшимися исторіей Франціи въ эпоху перваго Валуа.

Маргарита, одна изъ тѣхъ немногихъ счастливицъ въ исторіи, по отношенію къ которой всѣ посвященныя ей, часто возвышенныя и восторженныя произведенія литературы являются не образцами напыщеннаго фразерства и придворной лести, а выраженіемъ искренней и горячей преданности и какого-то радостнаго восхищенія, которыя она умѣла

вызывать въ людяхъ, сталкивавшихся съ ней на жизненномъ пути.

Это отношеніе къ ней, какъ мы только что замѣтили, сохранилось и до нашего времени. Всѣ посвященныя ей замѣтки, статьи и монографіи дышатъ той же симпатіей, которую мы встрѣчаемъ у людей, жившихъ три вѣка тому назадъ.

«Граціозная, любезная, деликатная, говоритъ о ней Сентъ-Бёвъ (Sainte-Beuve), она освѣщала лучомъ поэзіи жизнь своего брата, для котораго всегда являлась добрымъ гениемъ» ¹⁾.

Гекторъ де-ла-Феррьеръ ²⁾ называетъ ее одной изъ обаятельнѣйшихъ женщинъ XVI вѣка. «Перечитывая ея письма, говоритъ онъ, письма, въ которыхъ отразилась лучшая часть ея души, я понялъ ту непобѣдимую симпатію къ ней, которую, при жизни, она умѣла внушать всѣмъ, обращавшимся къ ней, и, въ свою очередь, я ощутилъ эту симпатію».

Приведемъ еще отзывъ о Маргаритѣ одного изъ самыхъ послѣднихъ изслѣдователей ея произведеній и основательнаго знатока исторіи XVI вѣка А. Лефранка ³⁾.

«Когда мы вспомнимъ, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ «Послѣднимъ произведеніямъ королевы Наваррской», что она написала Гептамеронъ и Духовныя пѣсни, защищала Моро, Дюперрье, Лефевра, Долэ, Кальвина и Вальденцовъ, оцѣнила Амю,

¹⁾ Sainte-Beuve. *Causeries de Lundi*, tome VII. Lundi, 28 février 1853. *Marguerite de Navarre*.

²⁾ H. de la Ferrière. *Marguerite d'Angoulême*. P. 1891. стр. 1.

³⁾ A. Lefranc. *Les Dernières poesies de Marguerite de Navarre*, P. 1896. стр. XIX.

понимала Ренату Феррарскую, наслаждалась произведениями Челлини, Серлио и Клуэ, покровительствовала первымъ лекторамъ греческаго и еврейскаго языковъ, всѣмъ поэтамъ и послѣдователямъ реформаци; когда мы подумаемъ рядомъ съ этимъ, что въ продолженіе тридцати лѣтъ она принимала дѣятельное участіе во внѣшней политикѣ Франціи, что король постоянно обращался къ ней за совѣтами, что она ѣздила въ Испанію и вела переговоры объ освобожденіи Франциска изъ плѣна, что въ своемъ королевствѣ она являлась настоящей правительницей; когда мы вспомнимъ все это, тогда становится возможнымъ утверждать, что во всей эпохѣ Возрожденія не встрѣчается женщины болѣе удивительной и болѣе заслуживающей любви».

Кажется, что всѣмъ только что сказаннымъ уже вполне оправдывается наше желаніе поподробнѣе ознакомиться именно съ этой личностью и поглубже заглянуть въ ея жизнь.

Но кромѣ той притягательной силы, которою обладаетъ всегда и вездѣ все дѣйствительно прекрасное, Маргарита Ангулемская интересуется насъ еще и съ чисто-исторической точки зрѣнія.

Она является одной изъ самыхъ яркихъ и типичныхъ представительницъ эпохи Возрожденія вообще, и французскаго Возрожденія въ частности; исторія ея личной жизни тѣсно переплетена съ исторіей всего того духовно-культурнаго движенія, которое, начавшись значительно раньше, достигло своего апогея при Францискѣ I; наконецъ, она является тѣмъ центромъ, вокругъ котораго группируются знаменитѣйшіе люди XVI вѣка.

Маргарита—одна изъ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя сумѣли придать себѣ и исторіи своей частной жизни общечеловѣческой интересъ.

Но именно всѣ эти ея качества обусловливаютъ нѣкоторую особенность нашего труда, которую мы, пользуясь случаемъ, тутъ же и отмѣтимъ.

«Когда нужно говорить о Маргаритѣ мало-мальски подробнѣе, замѣтилъ еще Монтэглонъ, ¹⁾ приходится излагать чуть не всю исторію царствованія Франциска I, и можно было-бы составить очень крупную часть исторіи французской литературы за этотъ періодъ времени.»

Вотъ почему мы принуждены будемъ дѣлать довольно длинныя и частыя отступленія отъ ея жизнеописанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Говорить о Маргаритѣ безъ этихъ отступленій нѣтъ никакой возможности: иначе рискуешь совершенно исказить ея личность. Говорить же въ книгѣ, специально ей посвященной, о Францискѣ I и Франціи даже не есть отступление: съ ихъ исторіей слишкомъ тѣсно связана исторія этой замѣчательной женщины, до сихъ поръ еще у насъ, въ Россіи, мало извѣстной и свѣтлый образъ которой лишь неявно вырисовывается на блестящемъ фонѣ эпохи Ренессанса.

¹⁾ Montaignou. Введеніе къ Гептамерону. Т. I. стр. 1.

ГЛАВА I.

XV вѣкъ былъ на исходѣ. На французскомъ престолѣ сидѣлъ юный Карлъ VIII, недавно женившійся (16 декабря 1491) на пятнадцатилѣтней Аннѣ, гордой наслѣдницѣ Бретанской, отказывавшейся выйти замужъ за кого-нибудь другого, кромѣ короля или королевскаго сына.

Этимъ бракомъ былъ положенъ конецъ длинной распрѣ между Франціей и Бретанью, и послѣдняя, навсегда потерявъ самостоятельность, присоединилась къ французской коронѣ.

Женитьба Карла VIII вызвала страшное недовольство, какъ со стороны германскаго императора Максимилиана ¹⁾, такъ и со стороны англійскаго короля Генриха VII. Послѣдній въ высокопарныхъ выраженіяхъ заявилъ своему парламенту, что онъ хочетъ вернуть себѣ «свое Французское королевство» и рассчитываетъ на помощь германскаго императора. — Однако вскорѣ начавшаяся война была такъ неудачна для англичанъ, что они

¹⁾ Максимилианъ былъ оскорбленъ, потому что лѣтомъ 1490 г. Анна Бретанская вышла за него замужъ *par procuration*; такимъ образомъ Карлъ VIII отнималъ супругу у императора. Кромѣ того Карлъ VIII, женившись, отослалъ обратно къ отцу эрцгерцогиню австрійскую, Маргариту, воспитывавшуюся въ качествѣ королевской невѣсты при французскомъ дворѣ.

поторопились заключить миръ (въ Этапль 3-го ноября 1492). Этотъ миръ былъ большой политической ошибкой со стороны Карла VIII, не сознававшего дѣйствительныхъ нуждъ своего королевства и не воспользовавшагося этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы навсегда изгнать англичанъ изъ предѣловъ Франціи.

Увлеченный фантастическими планами покоренія Италіи, бредя рыцарскими приключеніями ¹⁾ и крестовыми походами, Карлъ торопился кое-какъ покончить свои дѣла на сѣверѣ, чтобы поскорѣ броситься на Аппенинскій полуостровъ.

23-го мая 1493 года былъ заключенъ миръ въ Санлисѣ съ Максимилианомъ и Карлъ VIII могъ всецѣло предаться своимъ мечтаніямъ о томъ «какъ заставить міръ говорить о себѣ».

Старшая сестра его Анна, герцогиня бурбонская, женщина чрезвычайно умная, и которой, по словамъ отца ея Людовика XI, для того чтобы быть королемою, не хватало только мужского пола, постепенно утрачивала свое, когда то безусловное вліяніе на брата, и потому не могла удержать его отъ похода въ Италію.

Анна Бретанская, пятнадцатилѣтняя королева, не имѣла никакой власти надъ мужемъ, а его товарищи, молодые дворяне, окружавшіе престолъ, мечтали не меньше его самого «о прекрасной Италіи, объ ея богатствахъ, красавицахъ и наслажденіяхъ...»

Наперекоръ всѣмъ доводамъ разсудка, король хотѣлъ итти добывать себѣ Миланъ. Такъ было по-

¹⁾ Карлъ VIII назвалъ даже своего сына Charles Orland или Roland въ память эпического героя. Этотъ сынъ умеръ въ 1495 года.

ложено начало знаменитымъ итальянскимъ войнамъ, длившимся слишкомъ полъ - столѣтїя. Онѣ не принесли Франціи никакихъ политическихъ выгодъ, но зато широко растворились ея двери для культуры, мощной волной хлынувшей изъ Италїи, которая въ это время уже создала многое изъ того, чѣмъ гордится она и понынѣ и что понимается подъ словами «Итальянское Возрожденіе». Уже страницы ея исторїи покрылись многими, на вѣкъ прославленными именами. Ея ученые, художники, поэты — учителя и образцы для всей Европы. Ея искусство поднялось на высоту почти недостижимую. Она выработала формы жизни и общественности, незнакомыя предшествующему времени. Человѣческая личность, угнетенная міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ, вдругъ воспрянула съ небывалой энергіей и увлеклась какимъ-то страстнымъ развитіемъ своего «я». Человѣкъ опять, какъ во времена сѣдой древности, сталъ центромъ міра, господиномъ его. Онъ хочетъ господствовать, и для того, чтобы лучше дѣлать это, онъ хочетъ «знать». Жажда знанія снѣдаетъ его, и онъ упорно, неустанно ставитъ вопросы всему, что попадаетъ его пытливому взору. Онъ вѣритъ, что на его вопросы есть вѣчные, абсолютные отвѣты, и страстно ищетъ ихъ. Вѣра его спасаетъ его. Вселенная одну за другой ввѣряетъ ему свои великія тайны, и, ослѣпленный этими успѣхами, пораженный величіемъ своихъ открытїй, человѣкъ эпохи Возрожденїя впадаетъ въ крайности. Ему кажется, что еще шагъ—другой и онъ—господинъ міра. Нѣтъ предѣловъ его личности, какъ нѣтъ конца его желанїямъ. Духъ человѣка,

духъ человѣчества растеть въ немъ, не зная мѣры. Этимъ отличается блестящая эпоха Возрожденія отъ сравнительной темноты среднихъ вѣковъ. Въ этой духовной борьбѣ за первенствующее мѣсто въ мірѣ силы человѣка развиваются и укрѣпляются. Всѣ способности, всѣ дарованія его нужны ему, всѣ онѣ поэтому развиты. Онъ великъ какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Онъ духомъ своимъ способенъ подняться въ безконечное небо, или опуститься въ преисподнюю человѣческой низости. Возрождающаяся Италія дала въ началѣ Франциска Ассизскаго, въ концѣ—Александра Борджіа. Неслыханныя преступленія этого намѣстника Христова вызываютъ страстную проповѣдь доминиканскаго монаха Джироламо Савонаролы.— Роскошная, утопающая въ блескѣ и наслажденіяхъ, изнѣжившаяся и обезсиленная Флоренція облачается въ трауръ, съ воплемъ и плачемъ несетъ свои драгоценности на громадныя костры, сложенные на площадяхъ, и пламя этихъ костровъ ярко освѣщаетъ нравственное возрожденіе флорентійскихъ гражданъ. Монахъ господствуетъ во Флоренціи. На его проповѣдь собираются всѣ граждане. Папа, испугавшись, предлагаетъ Савонаролѣ кардинальскую шапку, Савонарола отказывается: онъ не продаетъ своей совѣсти, ему не нужно другого вѣнца, кромѣ мученическаго. Подобно древнему іудейскому пророку онъ потрясаетъ людей возгласомъ: «Покайтесь! Придетъ мститель имени Господня!» Этотъ мститель, котораго проповѣдникъ ждалъ, на помощь котораго онъ рассчитывалъ, былъ Карлъ VIII. Таково было положеніе дѣлъ во Франціи и въ Италіи. Въ Испаніи же какъ разъ въ это время готовилось совершиться одно

изъ величайшихъ событій міровой исторіи. 3-го августа 1492 г. изъ Палоса, андалузійской гавани, выходило три корабля подъ командой генуэзскаго моряка Христофора Колумба. Черезъ шесть лѣтъ (1498) передъ глазами Европы изъ пучинъ океана выросъ новый материкъ, о существованіи котораго она и не подозрѣвала. Сбылось предсказаніе Сенеки: «Пройдутъ вѣка, и океанъ откроетъ міру хранимая имъ тайны, и явится новый великій материкъ и новыя Тифисы найдутъ новыя земли». (Трагедія Медея).

Таковъ былъ историческій моментъ, въ который родилась Маргарита, а два года спустя (1494, 11-го сентября)—ея братъ, будущій король-рыцарь, Францискъ I.

Послѣднему еще не было двухъ лѣтъ, когда умеръ его отецъ, оставя девятнадцатилѣтнюю вдову свою съ двумя маленькими дѣтьми на рукахъ ¹⁾. Не любимая ни Карломъ VIII, ни его супругой, молодая графиня Ангулемская поселилась вдали отъ двора, въ своемъ замкѣ Коньякъ и цѣликомъ отдалась воспитанію своихъ дѣтей, которыхъ боготворила. Но ей не суждено было долго вести такой замкнутой и уединенной образъ жизни. Въ 1498 г. внезапно скончался Карлъ VIII и на престолъ вступилъ его двоюродный дядя Людовикъ XII, начавшій собою новую династію Валуа-Орлеановъ и вскорѣ женившійся на вдовѣ своего предшественника Аннѣ Бретанской.

¹⁾ Histoire de Charles VIII, raconté par Guillaume de Taligny, secretaire de Pierre II, duc de Bourbon. Отрывокъ изъ этого сочиненія приведенъ въ книгѣ *P. Paris* «Etudes sur le règne de François I» въ 2-хъ т.